

Вестник

Томского государственного

университета

№ 358

Май

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УПК РФ в течение всего времени действия подвергался многочисленным изменениям. Анализ вносимых поправок позволяет выявить направления развития современного уголовно-процессуального законодательства. Среди тенденций обнаруживаются как положительные, так и негативные. Их исследование необходимо для дальнейшего совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорский надзор; принцип публичности; проверочные судебные производства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был принят в декабре 2001 г. В настоящее время он действует далеко не в первоначальном виде – в него внесены многочисленные изменения.

Несомненно, изменений требовала интенсивно развивающаяся политическая, экономическая, социальная жизнь России. Очевидной причиной множества изменений явилось и несовершенство первоначальной редакции кодекса, а также недостаточно глубокая проработка некоторых его положений.

Однако все ли внесенные в УПК РФ поправки были закономерными, отвечающими потребностям успешного функционирования российского уголовного процесса? Ответ на этот вопрос необходим для того, чтобы определить, как повлияли на содержание УПК РФ вносимые в него изменения – улучшили ли они его или ухудшили, что в свою очередь позволит выявить наиболее оптимальные направления дальнейшего совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства.

Анализ внесенных в УПК РФ изменений убеждает в том, что часть их улучшила кодекс. Можно отметить как минимум три крупные тенденции положительного характера.

Первая – разграничение прокурорского надзора и руководства предварительным расследованием. Существовавшее в первоначальной редакции УПК РФ соединение этих двух видов деятельности прокуроров резко ослабляло прокурорский надзор. Прокурор, будучи руководителем расследования, а значит, и ответственным за его качество, терял объективность в надзоре, по существу, осуществлял надзор за самим собой.

Внесенные в УПК РФ поправки существенно изменили положение прокурора в уголовном процессе. Он был лишен полномочий по руководству предварительным следствием, его задача стала более определенной, однозначной: только осуществление надзора за законностью деятельности органов предварительного следствия. Тем самым прокурор получил возможность проявлять объективность.

Результатом стало создание благоприятных условий для значительного повышения эффективности прокурорского надзора в досудебном производстве. Это, несомненно, положительно повлияло на УПК РФ, улучшило его содержание.

Однако нельзя не отметить, что реформа прокурорского надзора в досудебном производстве не была последовательной и завершенной.

Во-первых, в дознании прокурор остался руководителем расследования (с небольшим ограничением полномочий по самостоятельному собиранию доказа-

тельств). Значит, в этой сфере, а она значительная, прокурор не имеет всех возможностей для объективности в осуществлении надзора.

Во-вторых, не был достигнут оптимальный баланс полномочий следователя и прокурора. Прокурорский надзор за законностью следствия был построен на принципах общего надзора.

Практика показала, что в осуществлении надзора за законностью расследования прокурору недостаточно предоставленных ему распорядительных полномочий. Такие полномочия прокурору необходимы в связи со спецификой уголовного процесса. В последующих изменениях баланс выравнивался, однако до настоящего времени его завершенности не достигнуто.

Вторая положительная тенденция – разграничение проверочных судебных производств. В первоначальной редакции кодекса проверочные производства не были системным образованием. Апелляция действовала в очень ограниченных пределах (только в отношении приговоров мировых судей). Кассация и надзорное производство по существу были одинаковыми. К тому же пересмотр приговоров в порядке судебного надзора потерял признаки исключительности, которые должны быть ему присущи, так как предметом пересмотра здесь являются приговоры, уже вступившие в законную силу.

Такое положение ухудшало качество проверки приговоров. Главным же недостатком была возможность практически бесконечного числа пересмотров приговоров, что повлекло значительное увеличение времени рассмотрения отдельных уголовных дел, волокиту.

В результате внесенных в УПК РФ изменений основные из отмеченных недостатков были устранены, был создан довольно четкий механизм проверочных производств. Все они были сведены в систему, где каждому отведено свое место в сфере проверки приговоров с определением своих предметов и методов деятельности. Все это, несомненно, способно дать положительные результаты для повышения качества проверки приговоров и обеспечения их стабильности, что позволит укрепить правовую определенность участвующих в уголовном процессе лиц.

Однако реформа проверочных производств также не была безупречной, некоторые ее положения не получили достаточно глубокой проработки. Анализ показывает, что в законодательном регулировании пересмотра судебных приговоров имеются нормы, которые в связи с возможностью неоднократных проверок не исключают неразумные (излишне длительные) сроки рассмотрения уголовных дел и в связи с этим не обеспечивают в полном объеме правовой определенности

осужденных и иных лиц после вступления приговоров в законную силу.

Л.В. Головкин отмечает, что после реформы «в некоторых аспектах ситуация даже ухудшится» [1. С. 45]. Следовательно, совершенствование закона о проверочных производствах требует продолжения.

Третья положительная тенденция – уточнение имеющихся в УПК РФ положений. Так, уточнены правила обращения с деньгами как вещественными доказательствами; детально определено содержание домашнего ареста, залога; более четким стало положение отдельных участников уголовного процесса и др. Улучшена редакция изложения ряда статей кодекса, что имеет большое значение для однозначного толкования содержащихся в УПК РФ норм. Однако работа законодателя и в этом направлении должна быть продолжена.

Отмеченным, как представляется, положительные тенденции оканчиваются. К сожалению, в многочисленных изменениях УПК РФ обнаруживаются и негативные тенденции, ухудшающие кодекс. Следует обратить особое внимание на те, которые, как думается, затрагивают основу кодекса, размывают ее, вносят противоречия.

Любой кодифицированный законодательный акт построен на системе принципов, которые составляют концептуальную основу кодекса и поэтому должны быть незыблемыми. Не является исключением и Уголовно-процессуальный кодекс. Одним из его принципов является публичность.

Принцип публичности требует, чтобы весь ход и судьба уголовного процесса находились в руках органов власти – следователя, прокурора, суда – и не зависели от усмотрения отдельных лиц и организаций. Последние вправе воздействовать на ход процесса, но не должны решать возникающие в его развитии вопросы, тем более такие, которые определяют его судьбу. Сущность этих положений закреплена в ст. 8 и 21 УПК РФ.

В ст. 20 УПК РФ предусмотрены два случая отступления от принципа публичности: по делам частного публичного и частного обвинения.

Логика в таких отступлениях имеется: некоторые деяния (они указаны в законе) могут быть признаны преступными, если их таковыми оценит пострадавший. Здесь наличие преступления в значительной мере зависит от субъективного восприятия пострадавшим деяния как преступного. Если пострадавший не воспринимает деяние как преступное, значит, нет преступления.

Следовательно, решение вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела, а по делам частного обвинения – и о прекращении уже существующего дела, зависит от усмотрения потерпевшего.

Однако если будет установлено, что пострадавший в силу своего особого состояния не способен правильно оценить деяние, а также самостоятельно защитить свои права и интересы, то вопрос о возбуждении уголовного дела и о его дальнейшем развитии решается уже органом власти – следователем.

Как видно, допускаемое УПК РФ отступление от принципа публичности является обоснованным.

Однако в последнее время во внесенных в УПК РФ изменениях появились отступления от принципа пуб-

личности, которые трудно признать логичными, обоснованными. Стали возможны ситуации, когда наличие преступления зависит не от субъективного восприятия пострадавшим деяния как преступного, а определяется объективными признаками, и в то же время судьба уголовного дела решается не следователем и судом, а отдельным лицом или организацией. Подтверждением этого является следующее.

В ст. 140 УПК РФ внесено изменение, в силу которого для налоговых преступлений установлен единственный специальный повод к возбуждению уголовного дела – материалы налогового органа. Это означает, что следователь не может возбудить такое дело без обращения к нему налогового органа.

Следовательно, здесь судьба уголовного дела в полном объеме находится в руках налогового органа, именно от его усмотрения зависит – быть или не быть уголовному делу. И это несмотря на то, что преступный характер налоговых преступлений не зависит от субъективного восприятия потерпевшего, а определяется объективными признаками. Здесь наблюдается не только отступление от принципа публичности, но и создается противоречие в кодексе: уголовный процесс по делам о налоговых преступлениях возникает только по воле налогового органа, но дела о таких преступлениях остались в категории дел публичного обвинения, не переведены в категорию дел частного-публичного обвинения. Статья 20 УПК РФ в этой части не изменена.

УПК РФ в первоначальной редакции предусматривал только два случая иницированного сторонами прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям – в связи с примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием (ст. 25 и 28). Но судьба уголовного дела здесь остается в руках следователя и суда. Даже при наличии соответствующего поведения обвиняемого и обращения потерпевшего следователь и суд могут отказать в прекращении дела, поскольку это не обязанность следователя и суда, а их право. Такое положение соответствует принципу публичности, однако в последующем оно стало изменяться.

Законом № 420-ФЗ в УПК РФ внесена ст. 28-1, в силу которой уголовное дело о преступлении в сфере экономической деятельности прекращается, если обвиняемый возместит бюджету ущерб, а в некоторых случаях внесет и дополнительную плату. Но в отличие от изложенных выше положений, следователь и суд здесь обязаны прекратить дело – слово «вправе» в законе отсутствует, ст. 28-1 изложена в императивной форме. Значит, судьба уголовного дела здесь решается действиями не следователя и суда, а обвиняемого, хотя его деяние имеет объективно преступный характер. По существу, обвиняемый своими действиями диктует следователю и суду свою волю, именно он определяет, будет прекращено уголовное дело или нет. Роль следователя и суда сводится лишь к оформлению решения с соблюдением предписанных законом процедур.

Таким образом, в анализируемых изменениях УПК РФ, как представляется, явно обозначается появление тенденции отступления от принципа публичности. Наличие в уголовном процессе данной тенденции, а тем более ее дальнейшее развитие, способно ухудшить УПК РФ и повлечь неблагоприятные последствия.

Уголовный процесс постепенно может превратиться в уголовно-исковое производство («уголовный иск») с заменой публичной основы на диспозитивную.

Однако диспозитивный характер уголовного процесса будет резко противоречить ярко выраженной публичности уголовного права.

Результатом такого противоречия будет снижение гарантий правильного применения норм уголовного права и в конечном итоге – нарушение системы гарантий защиты интересов как государства, так и отдельных лиц и организаций.

Наделение участвующих в уголовном процессе лиц и организаций полномочиями в определении судьбы процесса способно привести к тому, что они смогут добиваться разрешения уголовных дел в своих личных интересах и избежать уголовной ответственности за совершенные преступления.

Уголовный процесс как средство реализации норм уголовного права – а в этом его основное назначение – должен в полном объеме соответствовать характеру уголовного права. Последнее же может быть только публичным. Поэтому публичной должна оставаться основа уголовного процесса.

Во внесенных в УПК РФ изменениях можно выявить и другую негативную тенденцию – упрощение процесса доказывания. Проявляется эта тенденция в следующем.

В разделе 3 УПК РФ, а также в других многочисленных его статьях процесс доказывания урегулирован довольно подробно. Однако еще в первоначальной редакции кодекса допускалось отступление от закрепленных правил.

Глава 40 УПК РФ предусматривает возможность упрощенного доказывания при признании обвиняемым своей вины. Упрощение выражается в том, что в такой ситуации судья не проводит обычного исследования доказательств, ограничиваясь изучением доказательств, собранных следователем. Анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются (ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ).

Само по себе отступление от основных правил доказывания вызывает возражения. С ним можно было бы смириться, если бы оно было единственным исключением. Однако в последующем упрощение доказывания получило продолжение. Во внесенной в УПК РФ гл. 40-1 предусмотрен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Здесь упрощение, как думается, усилилось.

Согласно ст. 317-7 УПК РФ основное внимание судьи должно быть направлено на установление обстоятельств, раскрывающих содержание содействия подсудимого следствию; исследование вопроса о виновности отходит на второй план. Об этом свидетельствует и ч. 6 ст. 317-7 УПК РФ. Она требует описать в приговоре преступное деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и выводы суда о выполнении соглашения о сотрудничестве.

Примечательно, что в тексте анализируемой статьи говорится лишь об обвинении подсудимого. О необходимости признания в приговоре его виновности не упомянуто.

Уже проявившееся стремление законодателя упростить доказывание по отдельным категориям уголовных дел дает основания предполагать, что оно будет продолжено. Думается, что развитие законодательства в таком направлении может причинить вред уголовному процессу, снизит качество расследования и судебного разрешения уголовных дел.

Доказывание – основной стержень уголовного судопроизводства. От его результатов зависит возможность правильного установления истины, а значит, правильного применения уголовного закона. Поэтому крайне важно обеспечить достаточность и стабильность процесса доказывания. Для установления истины необходим определенный инструментарий – набор средств, способов, субъектов.

Стандарт такого набора выработан многовековой практикой разных стран и должен быть неизменным. Его уменьшение ниже необходимого уровня создает угрозу искажения истины, и вследствие этого – вынесения несправедливого приговора, от чего пострадают и отдельные лица, и государство в целом.

Следует признать допустимой возможность некоторого уменьшения инструментария доказывания на каком-либо отдельном этапе установления истины, но с обязательным соблюдением следующего условия: инструментарий должен быть усилен на последующих этапах. Тем самым ранее допускаемое ослабление инструментария будет компенсировано в последующем, и в целом процесс доказывания сможет успешно выполнить свою задачу.

Допускать же ослабление инструментария доказывания на всех этапах установления истины нельзя. Набор доказательств (причем не любых, а доброкачественных) не может быть минимальным для одних дел и максимальным для других. Единственным критерием его полноты по всем уголовным делам должна быть достаточность для того, чтобы он позволял сделать только один вывод об устанавливаемом обстоятельстве и исключал все иные выводы.

Анализ внесенных в УПК РФ изменений позволяет выявить еще одну, как представляется, негативную тенденцию – стремление чрезмерно дифференцировать уголовный процесс.

Дифференциация уголовного процесса, несомненно, необходима как отражение разнообразия решаемых процессом задач, что правильно обосновывается в литературе [2. С. 5–65].

Однако она должна быть в разумных пределах – такой, чтобы не уничтожить единого стержня процесса и регулирующего его кодекса.

Думается, что существующую в настоящее время дифференциацию уголовного процесса следует признать чрезмерной.

Уже в момент принятия УПК РФ наш уголовный процесс стал очень дифференцированным. Кроме обычных, кодекс предусмотрел целый ряд производств, обладающих серьезными особенностями. К ним относятся следующие производства:

- о применении принудительных мер медицинского характера;
- по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;

– по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц;
– по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения следователя;

– по получению следователем судебного разрешения на производство отдельных следственных действий.

Значительно дифференцированным стало судебное разбирательство.

Наряду с обычным УПК РФ предусматривает следующие обладающие особенностями виды судебного разбирательства:

– судебное заседание с участием присяжных заседателей;

– деятельность мирового судьи;

– принятие судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Изложенное убеждает, что первоначальная редакция кодекса закрепляла довольно обширную дифференциацию уголовного процесса. Однако последующие изменения УПК РФ дифференциацию еще более увеличили.

Так, в кодекс введен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Здесь предусмотрены особая процедура заключения соглашения о сотрудничестве, а также особый предмет доказывания.

Далее, продолжением дифференциации стали изменения, закрепляющие особенности производства по делам об экономических преступлениях. Здесь появились: особый повод к возбуждению уголовных дел, особые основания для избрания мер пресечения.

Особенности затронули и судебное разбирательство (в части оглашения приговора). По существу, началось формирование особого порядка судопроизводства по делам о преступлениях в экономической сфере.

Наконец, продолжением дифференциации явилось и введенное изменениями УПК РФ различное положение прокурора на следствии и в дознании.

Выше отмечалось, что на следствии прокурор – только орган надзора за законностью; в дознании он функцию надзора совмещает с руководством деятельности дознавателей.

Как видно, внесенные изменения в УПК РФ продолжают дифференциацию уголовного процесса.

Думается, что в существующем состоянии дифференциация уже перешла разумные границы, в связи с чем стала оказывать на уголовное судопроизводство негативное воздействие.

Анализ закрепленных в УПК РФ особенностей показывает, что в них нет концептуального единства, они разрозненны, их содержание разнонаправленно.

Обращает на себя внимание, что лишь некоторые из них закономерны (например, особенности производств по делам несовершеннолетних и по применению принудительных мер медицинского характера вызваны необходимостью учитывать своеобразие личности обвиняемых).

Значительная же часть особенностей вызвана не объективными причинами, а стремлением законодателя решить насущную для данного времени задачу (ускорить расследование или судебное разбирательство в связи с большой нагрузкой на следователей и судей,

уменьшить силовое воздействие на бизнес и тому подобное). При этом закономерности уголовного процесса, его системность если и учитываются, то явно недостаточно.

К тому же многие насущные задачи могут быть решены с помощью иных мер, не затрагивающих содержание уголовного процесса (например, повышение профессиональной квалификации следователей, лучшая организация их деятельности).

Все отмеченное сделало УПК РФ очень сложным, трудным для понимания и исполнения правоприменителем. Стало трудно, а порой невозможно определить, действуют ли в Особой части кодекса положения, закрепленные в его Общей части.

Так, непонятно, действует ли закрепленная в ст. 85 УПК РФ схема процесса доказывания при судебном рассмотрении дел с признанием подсудимым своей вины или при заключении обвиняемым соглашения о сотрудничестве, где исследование судом доказательств исключено.

Между тем положения Общей части в силу их основополагающего характера должны действовать во всем кодексе.

Чрезмерная дифференциация повлекла и другое негативное последствие – размывание метода уголовно-процессуального регулирования.

В результате введенных в УПК РФ многочисленных особенностей в уголовном процессе появились два вида производств:

– первый – с предметом, присущим уголовному процессу (направленным на применение норм уголовного права);

– второй – с предметом, для уголовного процесса чуждым (направленным на реализацию иных материально-правовых норм).

Разные предметы неизбежно повлекли необходимость применять разные методы регулирования. И законодатель это признает.

Так, судебный контроль за предварительным расследованием регулируется методом, гораздо более мягким, нежели метод уголовно-процессуального регулирования. То же можно отметить и в сфере реабилитации.

Намечается тенденция применения мягкого метода регулирования расследования и судебного разбирательства преступлений экономического характера (несмотря на то, что здесь применяются нормы уголовного права).

Таким образом, возникла необычная ситуация: в уголовный процесс оказались включенными несколько разных методов регулирования. Это для уголовного процесса вредно.

Уголовный процесс – система, на него воздействуют все закономерности системного образования. Положения системного анализа требуют учитывать, что, находясь в рамках одной системы, разнохарактерные элементы не могут действовать изолированно, они взаимодействуют, неизбежно оказывая влияние друг на друга [3. С. 65–67].

В результате разнородности методов как элементов системы уголовного процесса их взаимное влияние друг на друга содержит опасность искажения, размы-

вания уголовно-процессуального метода. Это способно привести к тому, что имеющегося в уголовном процессе инструментария будет недостаточно для успешного применения уголовного права (самого жесткого из всех отраслей права). Или, наоборот, часть инструментария будет излишней.

И то и другое вредно: в первом случае не будет гарантировано правильное применение уголовного закона; во втором будут иметь место излишние затраты государства и – что более значимо – неоправданные неудобства для людей (излишние вызовы, применение принуждения и т.п.).

В уголовном процессе как наиболее жесткой сфере деятельности может применяться только один метод регулирования, который должен быть четким, однозначным и достаточно (но без избытка) сильным.

Данное положение необходимо учитывать при определении границ дифференциации уголовного процесса.

Все отмеченное в совокупности, как думается, дает основание признать, что в настоящем состоянии Уголовно-процессуальный кодекс России потерял концептуальную основу.

Создается впечатление, что формально в рамках одного УПК РФ имеется несколько фактически разных кодексов.

Поэтому вызывает удовлетворение признание П. Крашенинникова о том, что Уголовно-процессуальный кодекс России (как и Уголовный кодекс) превратился в свод законов, т.е. стал не кодифицированным, а инкорпоративным актом, где отдельные законодательные положения объединены механически.

В связи с этим возникла необходимость создавать новый кодекс, предварительно разработав его концептуальную основу [4. С. 9].

Представляется, что потребность такой работы в настоящее время очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления* / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. 188 с.
2. *Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В.* Дифференциация уголовного процесса. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
3. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 264 с.
4. *Российская газета.* 2011. 16 декабря. № 283 (5659).

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2012 г.